

Говорила Ли Сяожу негромко, да и вокруг все шумели.

Только студенты внезапно непонятным образом замолчали и посмотрели на неё с Лю Мань, которая стояла в полушаге за её спиной.

Руководитель и сам на какое-то время задержал проницательный взгляд на последней. Затем он сказал:

— Я думал, вы отказались от участия, и уже попросил третью группу занять ваше место. Но раз объявились вовремя, тогда вернёмся к первоначальной очереди.

Мужчина громко сообщил эту новость лидеру третьей группы. Студенты в ней возражений никаких не имели.

После этого руководитель, листая изначальный список выступлений, позвал другого закулисного сотрудника:

— Да-да-да. После квинтета приготовьте два рояля и столик для гучжэна...

Запнувшись на последнем слове, он спросил у девушек:

— Так, а где ваш гучжэн?

— Здесь, — в помещение вошёл Юй Чжань и поставил сумку с гуцинем внутри на землю.

— Ага, хорошо. Пусть пока побудет здесь.

Столики для гучжэна и гуциня ничем не отличались, к тому же юноша почти ничего не смыслил в народных инструментах. Он думал, что держит гучжэн.

— Где ещё одна участница? — руководитель зачитал вслух имя из списка программ: — Где Вэнь Фанфэй с 1-го курса факультета гучжэна?

Лю Мань ответила как есть:

— Она не придёт. Выступать мы будем только вдвоём.

За её ответом последовали перешёптывания других участников, а кто-то даже громко засмеялся.

Руководителю это показалось странным, он принял слова девушка за дурачество.

— Ваше произведение играет трио. Как вы планируете исполнить его, если вас всего двое? Так ещё и хотите, чтобы на сцену поставили все три инструмента, — мужчина уведомил их из добрых побуждений: — Раз вам не хватает человека, откажитесь от участия. Ничего страшного, попытаетесь в следующий раз. Не думайте, что способны выступить, когда это не так, иначе только на смех себя выставите. Этот концерт совсем не такой как те, где студенты играли просто ради забавы. Ещё и все места заняты, а ваши действия будут сниматься на камеры, и потом видео опубликуют в интернете.

Руководитель говорил это из благих побуждений, при упоминании слова «интернет» думая о студентах. Репутация Богини Ханьфу там и без того упала ниже плинтуса. В случае сегодняшнего провала на сцене она бы, не говоря уже о становлении полным посмешищем, до конца учёбы ходила по университету с понуренной от стыда головой. А ещё всё это мог увидеть ректор. После такого на её будущем можно было бы ставить крест.

— Спасибо, — Лю Мань выразила признательность руководителю. — Но поверьте в нас, пожалуйста. Мы правда можем исполнить трио.

— Обалдеть, делает такие громкие заявления, хотя не в состоянии это доказать. Ну и ну.

Другие участники принялись на приглушённых тонах высмеивать её и Ли Сяожу:

— И каким это образом два пианиста собрались играть на гучжэне? По коробкам картонным стучать будут, что ли?

— Аха-ха-ха, а вдруг. Стучать по ним, пытаясь извлечь нужные ноты. Звучит, как идея для стартапа.

— У неё с головой всё нормально? И это она смогла увести Тан Ту у Шэнь Мочжэнь? Видимо, Тан Ту слепой, а Шэнь Мочжэнь это просто осточертело.

— Думаю, она специально пытается так нагадить Шэнь Мочжэнь, ведь та лучше всего играет на гучжэне.

— Ребят, хватит. Лю Мань, похоже, свихнулась от всех интернет-разоблачений. Не усугубляйте её состояние.

— Ага, она прям очень жалкая.

— Тоже так думаю. Вчера была популярной интернет-звездой, а сегодня — объект для всеобщих насмешек. Не говорите подобного при ней. Да и чего вообще вам так интересны отношений между ней, Тан Ту и Шэнь Мочжэнь?

...

Не каждая реплика несла в себе негатив. Часть студентов предпочитали высказываться нейтрально.

Лю Мань встречала бездушные слова с привычным выражением на лице, будто в принципе их не слышала.

Высмеивание человека в реальной жизни было ещё пагубнее, нежели клевета в его адрес в интернете. Девушка не знала тех пользователей соцсетей, благодаря чему могла притворяться безразличной к их критике. Эти же люди приходились ей одноклассниками, и с ними она виделась ежедневно.

Будь Лю Мань обыкновенной двадцатилетней студенткой, она давно бы разрыдалась от колкостей и убежала из зала в слезах. О продолжении выступления не шло бы и речи.

Слабая женщина никогда не сумела бы выжить в холодном дворце. Там Лю Мань привыкла к высокомерным взглядам, унижениям и даже едва ли не смертельным наказаниям от слуг и брошенных наложниц. У неё ещё с тех пор выработалась прочная защитная оболочка.

Оболочка, которую не пробить простыми словами.

А вот Ли Сяожу, считавшая себя психически устойчивой, к текущему моменту не могла реагировать на происходящее спокойно. У неё покраснело лицо, только было непонятно от чего: издёвок или злости. Она просто собиралась броситься вразумлять этих людей.

Юй Чжань тем временем тоже слушал эти шёпоты, стоя в стороне. Ему было жаль Лю Мань, однако он осознавал, что эта девушка отнюдь не нуждалась в чьей-либо жалости.

Её прямая спина походила на колонну, пронзающую сами небеса. Она будто не боялась ни грома, ни дождя, совсем как ствол сосны. Глаза Лю Мань буквально излучали яркость. Сколь бы сильно ни клеветали и высмеивали её окружающие, она верила — в конечном итоге восторжествует правда.

Внезапно юноша и сам успокоился, а в его собственных глазах проглядывалась улыбка. Он с нетерпением ждал выступления Лю Мань, поскольку знал, что оно будет огромных сюрпризом.

В это же время Сунь Вэйвэй и её компания тоже прибыли в актовый зал и нашли места на задних рядах второго этажа. Чэнь Хан держал в руках самодельный плакат с надписью: «Богиня Ханьфу Лю Мань, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ». Правда, прямо сейчас он не мог найти возможности поднять его на обозрение остальным.

Первый номер близился к завершению. Прозвучала последняя нота скрипки, и пятеро

исполнителей поднялись, чтобы поклониться зрителям. Под аккомпанемент громких аплодисментов медленно задвинулся занавес.

На экране над сценой отобразилось описание следующего произведения:

«Трио «Влюблённые Бабочки». Инструменты: фортепиано, гучжэн. Исполнители: Ли Сяожу, 3-й курс факультета фортепиано; Лю Мань, 3-й курс факультета фортепиано».

Имя Лю Мань вызвало волнение среди пришедших гостей.

— Богиня Ханьфу это Лю Мань?

— Угум, она!

— И у неё хватило наглости всё равно выступить?

— Насколько мне известно, это выступления нужно для зачёта по одной из их базовых дисциплин. Если не выступят, получал ноль баллов. Так что ей, само собой, придётся выйти на сцену, несмотря на весь этот стыд.

— А там разве не трио писало? Почему тогда имена только двух человек?

— Видимо, третий отказался от участия из-за чрезмерных оскорблений.

— И кто будет играть на гучжэне? Просто для виду поставят, что ли?

— Всё, просто снимай быстрее. Потом станем популярны, как в интернет выложим.

...

Под звуки шумных разговоров занавес снова открылся. По обе стороны сцены располагались рояли, а прямо по центру — инструмент, с виду похожий на гучжэн.

В первом ряду зрительского зала сидели десять жюри. Пятеро из них, в том числе и Чжу Сиян, были профессорами факультетов фортепиано, струнных инструментов и духовых. Их пятёрка оставалась неизменной. Другую же выбирали случайным образом. Для утренней части концерта Чжу Сиян пригласил пятерых профессоров по специальности композиторства и вокала, тогда как на текущей дневной присутствовали преподаватели из факультетов народных инструментов. Среди них была их пожилая и крайне немногословная профессор Вэй Ваньжу.

Она обратилась к другим жюри:

— Технические сотрудники слишком невнимательны. Каким образом они умудрились перепутать весьма важную подпись на экране? На сцене ведь гуцинь. А они приняли его за гучжэн? Какая банальная ошибка!

<http://tl.rulate.ru/book/33390/2051439>